

A detailed illustration of two riders on horseback, seen from behind, as they journey through a vast, arid, and mountainous landscape. The rider on the left wears a green cloak and has long white hair, while the rider on the right is in brown leather armor. The terrain is rugged with rocky paths and steep, barren hills under a bright sky.

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга пятая. Камни Порога

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга пятая.

Камни Порога

«Автор»

2026

Кошечкин В.

Ковчег. Книга пятая. Камни Порога / В. Кошечкин — «Автор», 2026

Тень не сломлен. Он бежал на восток, к водам Байкала, где скрыты последние Врата. Если они откроются в день зимнего солнцестояния, древняя Сущность пробудится — и мир погибнет окончательно. Чтобы запереть Врата, нужны три Камня Порога. Два — у Константина. Третий сокрыт в монастыре Лунг-Гомпа, затерянном среди тибетских вершин. Отряд Седого уходит в смертельно опасный поход: через степи, пустыню Гоби и горные перевалы, где их ждут не только «дети бездны», но и древнее зло, которое старше самой земли. Но монастырь не отдаст Камень просто так. Он потребует плату. И каждому из отряда придётся встретиться с тем, что он прячет даже от себя. А Константину — сделать выбор, который разорвёт сердце Алисы. Потому что любовь сильнее смерти. Но иногда любовь — это и есть жертва.

© Кошечкин В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга пятая. Камни Порога

Книга V. Камни Порога

Пролог. Глазами Хана

«Империи не строятся на доброте. Они строятся на страхе, порядке и железе. Но даже самая крепкая империя — пыль, если в ней нет будущего. А будущее — это не земля и не вода. Будущее — это дети. У меня их нет. Значит, моя империя умрёт вместе со мной. Но перед этим она заставит мир содрогнуться».

Южный берег Каспийского моря встретил утро неприветливо. Низкие, набухшие влагой тучи ползли над свинцовой водой, цепляясь за верхушки чахлых деревьев, искорёженных ветрами и солью. Город, когда-то носивший имя Бендер-Энзели, а до того — просто Энзели, лежал в руинах уже десять лет. От бывшего порта остались лишь остовы пакгаузов, ржавые скелеты кранов да длинный каменный мол, уходящий в море на добрых триста метров. Именно на этом молу, на самом его краю, где волны бились о древние камни с ритмичностью ударов сердца, стоял человек.

Он был высок, сухопар, но жилист, с той особой поджаростью, которую дают годы лишения и постоянного движения. Его лицо, обветренное и загорелое до черноты, пересекали три шрама — один, самый старый, тянулся от левой скулы к углу рта, делая его улыбку навсегда кривой; второй, рваный, белел на лбу; третий, совсем свежий, ещё розовел на шее, уходя под воротник стёганого халата. Волосы, когда-то чёрные как смоль, теперь были тронуты сединой на висках, а глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели на мир с выражением спокойной, всё понимающей усталости.

Человек на молу курил. Табак был дрянной — смесь сухих трав и крошенных листьев какого-то местного растения, — но дым горчил приятно, и этот вкус напоминал ему о прошлом. О том прошлом, где были сигареты в мягких пачках, и чай в стеклянных стаканах с подстаканниками, и голоса детей, и смех женщины, которую он любил.

Он затаился в последний раз, бросил окурок в воду и проводил его взглядом. Маленький уголёк покружился на волне и погас, утнутый в тёмную глубину. Хан усмехнулся — невесело, одними уголками губ. Сколько таких же огоньков он погасил за эти годы? Сотни? Тысячи? Он не считал. Счёт смертям он перестал вести давно.

Сзади, по каменным плитам мола, зазвучали шаги. Твёрдые, чеканные — так ходят только военные, привыкшие к строю. Хан не обернулся. Он узнал эту походку из тысячи. Его правая рука, его тень, его верный пёс — командующий гвардией по имени Бахтияр.

— Мой господин.

Голос Бахтияра был под стать походке: низкий, глухой, лишённый эмоций. Идеальный инструмент для передачи приказов и докладов. Хан когда-то лично отбирал его из десятка

пленных — выбрал за глаза, в которых не было ни страха, ни надежды, ни желания жить. Только пустота. Из такой пустоты можно вылепить что угодно. Хан вылепил из неё самого преданного слугу, какого только можно вообразить.

— Говори.

— Разведка вернулась с севера. Люди, посланные к горному проходу, докладывают: город существует. Он укреплён, имеет стены, гавань и, по донесениям, электрическое освещение. Численность гарнизона — от ста до двухсот бойцов. Имеется конница.

Хан медленно развернулся. Его глаза, только что смотревшие в море с выражением философской меланхолии, теперь стали цепкими и холодными.

— Конница? В этом забытом богами краю?

— Да, мой господин. Лёгкая кавалерия, обученная. Говорят, ею командует человек с южных островов. Его зовут Радим. Он присягнул тому, кого называют Седым.

— Седой... — Хан покатал это слово во рту, пробуя на вкус. — Красивое прозвище. И опасное. Седые люди обычно знают, что делают.

Он замолчал, размышляя. Сведения о городе на севере приходили уже не впервые. Сначала это были слухи: беженцы, бродяги, редкие торговцы солью рассказывали о поселении, которое выросло в скалистой долине у моря. О том, что им правит человек, которого называют Седым, и что этот человек не грабит и не убивает, а строит. Потом слухи подтвердились наблюдениями. Теперь — разведка. Город существовал, и он был силён.

Хан не боялся силы. За десять лет, прошедших после катастрофы, он объединил под своей рукой земли от Каспийского побережья до предгорий Загроса. Его держава — он называл её про себя «Степной Ордой», хотя официально никак не именовал — держалась на трёх столпах: железной дисциплине, беспощадности к врагам и справедливости к своим. Всякий, кто признавал власть Хана, получал защиту, еду и право на труд. Всякий, кто отказывался, — смерть. Простую, быструю, без мучений. Хан не был садистом. Он был прагматиком.

Его армия насчитывала около пятисот бойцов. Ядро составляли «бессмертные» — элитная гвардия в тяжёлой броне, собранной из остатков военного снаряжения и кованой вручную стали. Они были обучены биться в строю, держать удар и не отступать ни при каких обстоятельствах. Кроме них, у Хана была лёгкая конница — степняки, присягнувшие ему после того, как он разбил их хана в честном поединке и сохранил жизнь побеждённому. И ополчение — крестьяне, ремесленники, бывшие горожане, которые брались за оружие, когда требовалось.

Но город на севере был другим. Электричество, конница, укрепления — всё это говорило о том, что там обосновался не просто удачливый бандит, а кто-то, кто мыслит стратегически. С кем придётся считаться.

— Бахтияр, — произнёс Хан после долгой паузы, — этот Седой... он такой же, как те, кого мы сломали раньше?

— Нет, мой господин. Те были волками-одиночками или мелкими жожаками. У них не было ни дисциплины, ни дальнего плана. Этот строит. Его город растёт. К нему идут люди. Говорят, он даже принял какие-то законы.

— Законы, — Хан усмехнулся. — У волка нет законов, кроме силы. Но этот волк, похоже, возомнил себя царём.

Он развернулся и зашагал обратно по молу, к берегу. Бахтияр двинулся следом, держась на полшага позади — ровно на таком расстоянии, которое диктовала субординация.

Их путь лежал через руины порта. Когда-то здесь кипела жизнь: грузчики таскали тюки с товарами, рыбаки разгружали улов, в портовых чайханах дымили кальяны и звучала музыка. Теперь чайханы лежали в развалинах, портовые краны ржавели под открытым небом, а на месте рыбного рынка был устроен плац, где сейчас маршировали новобранцы. Хан проходил мимо них, не глядя. Солдаты замирали, вытягиваясь в струнку, но он не достаивал их взглядом. Он думал.

Его резиденция располагалась в бывшем портовом управлении — единственном здании, которое отремонтировали полностью. Там, в просторном зале с высокими окнами, выходящими на море, он упал в кресло — старое, кожаное, с потрескавшейся обивкой, но всё ещё удобное — и жестом приказал подать чай. Бахтияр сам налил ему из медного чайника, добавил мяты и щепотку тёмного сахара, который доставляли караванами с юга.

— Расскажи мне о Тени, — произнёс Хан, делая первый глоток.

Бахтияр на мгновение замялся. Это было нехарактерно для него, и Хан заметил заминку.

— Он ждёт снаружи, мой господин. Прибыл час назад. Просит аудиенции.

— Просит, — Хан растянул губы в своей кривой усмешке. — Он, значит, просит. А ты не спешил мне доложить.

— Я счёл, что доклад разведки важнее.

— Ты счёл правильно. Но теперь зови.

Бахтияр вышел и вернулся через минуту. За ним, шурша полами длинного чёрного плаща, в зал вошёл человек.

Хан видел его во второй раз. Первая встреча случилась месяц назад, когда этот странный субъект появился у южных границ Орды в сопровождении нескольких бледных, молчаливых существ, которых он называл «детьми бездны». Тогда Хан едва не приказал убить его на месте — слишком много было в этом визитёре неправильного, тревожного, — но что-то остановило. То ли спокойная уверенность, с которой держался чужак, то ли знания, которые он продемонстрировал, то ли холод, веявший от него, как от ледяной глыбы.

Тень — так он себя называл — был высок и сутул. Его фигура, скрытая плащом, казалась неестественно худой, почти бесплотной. Лицо скрывал противогаз старого образца, с тёмными, непроницаемыми стёклами вместо окуляров. Голос, искажённый фильтрами, звучал глухо и

монотонно, словно говорил не человек, а машина. Но самым тревожным было ощущение, которое возникало при взгляде на него: казалось, что воздух вокруг Тени чуть темнее, а температура чуть ниже, чем в остальном помещении.

— Приветствую, Хан, — произнёс Тень, останавливаясь в нескольких шагах от кресла. Он не поклонился, но и не выказал неуважения — просто стоял, прямой как шест, и ждал.

— Я не звал тебя, — лениво отозвался Хан, отпивая чай. — Но раз уж ты здесь, говори, зачем пришёл. Только коротко. Я не люблю длинных речей.

— Я пришёл, чтобы возобновить наше предложение. Союз против города на севере.

Хан отставил чашку и сцепил пальцы на животе.

— Я помню твоё предложение. Ты хочешь, чтобы я пошёл войной на Седого. Уничтожил его город. Раздавил его самого. Взамен ты обещаешь мне... что, напомни? Я запомнил.

— Знания. Технологии. Власть над силами, которые спят под водой и под землёй.

— Красиво звучит, — Хан кивнул. — Очень красиво. Особенно та часть, где ты обещаешь власть над силами, которых не понимаешь сам.

Тень не шелохнулся, но Хану показалось, что воздух вокруг него сгустился.

— Я понимаю их, — глухо ответил Тень. — Больше, чем кто-либо из живущих. Я говорил с ними. Я отдал им часть себя. И они ответили.

— И что же они тебе сказали? Что нужно сжечь город на севере, потому что он мешает твоим планам?

— Они сказали, что мир должен быть перерождён. Что человечество — ошибка, которую нужно исправить. Что Седой и его Ковчег — последний оплот старого порядка. Пока он стоит, перерождение невозможно.

Хан долго молчал, глядя на Тень. Потом медленно поднялся с кресла и подошёл к окну. За окном волны бились о камни, и чайки — обычные, живые чайки, каким-то чудом пережившие катастрофу, — кружили над водой.

— Знаешь, что я думаю? — произнёс он, не оборачиваясь. — Я думаю, что тебе плевать на человечество. И плевать на перерождение. Ты просто хочешь отомстить. Кому-то или чему-то. И тебе нужен инструмент. Моя армия.

— Твоя армия — лучший инструмент для этой задачи.

— Льстишь, — Хан обернулся. — Это хорошо. Льстецы живут дольше. Но я тебе не верю. Ты говоришь о силах, которые спят под водой, а я вижу перед собой человека, который прячет лицо. Ты говоришь о перерождении, а сам предлагаешь мне убить сотни людей. Ты говоришь о новом порядке, а сам даже не можешь показать своё лицо. Почему?

Тень помедлил. Потом медленно, словно нехотя, поднял руки к застёжкам противогаза.

— Ты хочешь видеть?

— Хочу.

Застёжки щёлкнули. Противогаз с тихим шипением отошёл от лица. Бахтияр, стоявший у двери, сделал шаг назад и сжал рукоять сабли. Хан не шелохнулся.

Лицо Тени было... лицом. Не обожжённым, не изуродованным, не покрытым чёрными прожилками, как ожидал Хан. Это было человеческое лицо — худое, с резкими чертами, с тёмными кругами под глазами. Оно было бы даже красивым, если бы не одна деталь: глаза. Они были абсолютно чёрными. Не тёмно-карими, не расширенными зрачками — а чёрными целиком, как два провала в пустоту. И в глубине этих провалов что-то двигалось, что-то зеленоватое, фосфоресцирующее.

— Я был человеком, — произнёс Тень своим глухим голосом, но теперь, без фильтров, в нём прорезалась хрипотца. — Меня звали Даниил. Я любил женщину по имени Катя. Она умерла. Я отдал всё, чтобы вернуть её, и потерял себя. Теперь я — то, что ты видишь. И я знаю: есть сила, которая может переписать этот мир. Сделать его таким, где не умирают от болезней. Где не гибнут под завалами. Где нет боли и страха. Эта сила спит, но её можно разбудить. Седой мешает мне. Он запер одни Врата. Он закроет другие, если доберётся. Поэтому мне нужен ты. Твоя армия. Твоя воля.

Хан смотрел на него — в эти чёрные провалы, в которых плясал зелёный огонь, — и молчал. Молчание длилось долго. Бахтияр за дверью, казалось, перестал дышать.

— Убери лицо, — наконец произнёс Хан. — И выслушай мой ответ.

Тень неторопливо вернул противогаз на место. Застёжки щёлкнули.

— Я слушаю.

— Я не буду твоим инструментом. И союзником — тоже. Но я воспользуюсь твоими сведениями. Ты говоришь, что Седой — враг. Я проверю это сам. Мои разведчики уже на севере. Если город действительно представляет угрозу моим границам, я пойду на него. Не ради тебя — ради себя. Если нет — я предложу ему союз против тебя. Потому что ты, со своим подводным колдовством, пугаешь меня куда больше, чем какой-то Седой с его лампочками.

Тень стоял неподвижно. Его лица не было видно, но Хан чувствовал исходящий от него холод.

— Это ошибка, — произнёс Тень.

— Возможно. Но это моя ошибка. Я Хан. Я совершаю ошибки сам.

Тень повернулся и вышел из зала, не прощаясь. Его плащ мелькнул в дверях и исчез в коридоре. Бахтияр, выждав несколько секунд, приблизился к Хану.

— Мой господин, этот человек опасен. Он может нанести удар в спину.

— Может, — согласился Хан. — Поэтому ты пошлешь за ним слежку. Самых лучших. Самых незаметных. Я хочу знать, куда он идёт, с кем говорит и что делает. Каждый его шаг.

— Будет исполнено.

— И ещё, Бахтияр. Пошли гонца на север. Я хочу поговорить с этим Седым. Не воевать — говорить. Пусть пришлют послов. Или примут моих. Если он так умен, как о нём говорят, он поймёт: война между нами — это то, чего хочет Тень. А я не люблю делать то, чего хочет враг.

Бахтияр склонил голову и вышел. Хан снова остался один. Он стоял у окна и смотрел на море, и его глаза, только что бывшие холодными и цепкими, снова приобрели выражение усталой задумчивости. Чай остыл. Он не заметил.

Волны бились о мол. Чайки кричали. Империя Хана, раскинувшаяся от моря до гор, жила своей жизнью — жестокой, но упорядоченной. А где-то далеко на севере, в долине у другого моря, горели электрические лампы, и люди, называвшие себя свободными, не знали, что их судьба уже решается в этом зале, перед этим окном, в голове этого человека.

Хан налил себе новую чашку чая. Руки у него были твёрдые. Он редко ошибался. Он надеялся, что не ошибётся и на этот раз.

Вечером он вышел на стену — старую, ещё иранской постройки, восстановленную его людьми. Со стены открывался вид на город. Не на руины, а на живой, растущий посёлок, который он построил на обломках. Горели костры. В домах плакали дети. Где-то играла музыка — старый, ещё довоенный мотив, который кто-то помнил и передавал из уст в уста. Пахло дымом, жареным мясом и солью.

Хан стоял и смотрел. Он не был сентиментален. Он просто знал: всё это — костры, музыка, дети, — всё это держится на нём. На его воле, его приказах, его жестокости. Если он умрёт, всё рухнет. Потому что он не построил систему. Он построил пирамиду, вершиной которой был сам.

У Седого, говорят, есть совет. Законы. Выборы. Хан не понимал этого. Как можно доверить власть кому-то ещё? Как можно делить ответственность? Это казалось ему слабостью. Но где-то в глубине души, в том уголке, который он никому не показывал, он завидовал. Завидовал тому, что у Седого есть не просто подданные, а соратники. Что его город не умрёт вместе с ним.

Он закурил новую самокрутку. Дым плыл в вечернее небо, смешиваясь с туманом.

— Посмотрим, Седой, — произнёс он в пустоту. — Посмотрим, кто из нас прав.

Волны бились о мол. Империя спала. Завтра должен был прибыть посол.

Глава 1. Жизнь в Ковчеге

«Город — это не стены и не улицы. Город — это люди, которые просыпаются утром и знают, зачем они здесь».

Рассвет над Каменной Чашей занимался медленно, словно нехотя. Первые лучи солнца, ещё бледные и негреющие, выползали из-за восточных скал и окрашивали воду залива в нежнейшие оттенки розового и персикового. Море, спокойное после ночного штиля, дышало ровно и глубоко, и его дыхание доносилось до берега тихим, убаюкивающим шёпотом. Чайки — вечные спутники прибрежной жизни — уже проснулись и кружили над гаванью, высматривая добычу. Их крики, пронзительные и скрипучие, были первым звуком, который слышал просыпающийся город.

Новый Ковчег просыпался рано. Здесь не было места праздности — каждый час светового дня был на счету, особенно теперь, когда осень уже тронула листву золотом, а зима, по всем приметам, обещала быть суровой. Рыбаки уходили в море затемно, чтобы вернуться к полудню с уловом. Охотники выдвигались в горы ещё до рассвета. Ремесленники разжигали горны, едва первые петухи — а петухи в Ковчеге были, потомки тех немногих кур, что пережили катастрофу, — начинали свою утреннюю переключку.

В восточной части города, у самого подножия скалы, где река делала крутой изгиб, стояла мастерская, которую все называли просто «лабораторией». На деле это был цех — низкое, приземистое здание, сложенное из речного камня и брёвен, с высокой трубой, из которой даже сейчас, в ранний час, уже поднимался дымок. Здесь работал Дедушка.

Платон Сергеевич Солёнов — он же Дедушка, он же «главный по чудесам», как его в шутку называла Алиса, — стоял у верстака и разглядывал чертёж. Чертежу было от силы полчаса: он набросал его углём на гладкой доске, пока завтракал, и теперь, шурясь в свете масляной лампы (электричество в мастерскую пока не провели — ирония судьбы, учитывая, что именно он его и изобрёл), проверял расчёты.

— Не сходится, — пробормотал он себе под нос и потянулся за тряпкой, чтобы стереть одну из линий. — Если шестерня на восемь зубьев, передаточное число будет три и семь десятых. А нужно три и две. Значит, либо шестерня на девять, либо ведущее колесо меньше. А колесо меньше нельзя — не выдержит нагрузки...

Он говорил сам с собой уже много лет. Эта привычка появилась ещё в Ленинграде, в конструкторском бюро, где он часто работал по ночам в одиночестве. Коллеги посмеивались, но он считал, что проговаривание мыслей помогает думать. Может, так и было. А может, ему просто не хватало собеседников — после смерти Лиды он так и не научился заполнять тишину чужими голосами.

Дверь скрипнула. В мастерскую вошёл Кирилл — молодой, широкоплечий, с вечно взъерошенными волосами и руками, испачканными машинным маслом. Он был в старой кожаной куртке, под которой виднелась серая рубашка, и в сапогах, заляпанных глиной. Видно было, что он уже успел побывать на реке — проверял водяное колесо, которое питало генератор.

— Доброе утро, Платон Сергеевич, — сказал он, проходя к своему месту. — Колесо в порядке. Лопасты держат, подшипники не греются. Я смазал на всякий случай.

— Доброе, — отозвался Дедушка, не поднимая глаз от чертежа. — А ты чего так рано? Солнце едва встало.

— Не спалось. — Кирилл пожал плечами. — Решил, что лучше делом заняться, чем в потолок смотреть.

Дедушка наконец оторвался от чертежа и посмотрел на ученика поверх очков. Очки у него были старые, с треснувшим стеклом на левом глазу и дужкой, перемотанной синей изолентой — других не было. Но и в этих он видел достаточно, чтобы заметить: с парнем что-то не так.

— Опять с Юлей поссорился?

Кирилл вспыхнул и отвернулся к стеллажу с инструментами.

— Ничего я не ссорился. Просто... не спалось, я же сказал.

— Врёшь ты плохо, — констатировал Дедушка и вернулся к чертежу. — Впрочем, дело твоё. Не хочешь говорить — не говори. Но если понадобится совет — ты знаешь, где меня найти.

Кирилл ничего не ответил и принялся перебирать детали на верстаке. Шестерёнки, медные контакты, обмотки — всё это было ему знакомо до последнего винтика. Он работал с Дедушкой уже больше года и за это время научился многому. Не только инженерному делу — он научился терпению, которого ему так не хватало в юности, научился думать прежде, чем делать, научился находить ошибки не только в расчётах, но и в себе. Но с людьми всё ещё было сложно. Особенно с теми, кто был ему дорог.

С Юлей они не ссорились — не то слово. Просто вчера вечером, когда они сидели на берегу и смотрели на закат, она вдруг сказала то, чего он не ожидал. Сказала тихо, почти шёпотом, глядя не на него, а на море: «Кирилл, я хочу, чтобы ты знал... Ты мне очень дорог. Больше, чем брат». И замолчала. А он не нашёлся что ответить. Сидел как дурак, смотрел на воду и молчал. Она подождала, а потом встала и ушла. И сегодня утром он проснулся с мыслью, что всё испортил.

Он думал об этом, перебирая медные контакты, и не сразу заметил, что в мастерскую вошёл ещё один человек. Это был Тимур — молодой казах, прибившийся к Ковчегу год назад. Он был худощав, но жилист, с быстрыми, точными движениями и вечно прищуренными глазами, привыкшими всматриваться в степные дали. Лошадей он знал и любил, но Дедушка разглядел в нём талант к механике и взял в ученики.

— Ассалаумагалекум, Платон-ага, — произнёс он с лёгким акцентом.

— Ва-алейкум-ассалам, Тимур, — ответил Дедушка, не поднимая головы. — Ты вовремя. Помоги Кириллу с обмоткой. Нужно намотать четыре катушки по двести витков. Медная проволока на складе, я проверял.

Тимур кивнул и прошёл к своему месту. Он был немногословен, но это было не высокомерие, а природная сдержанность. Он многое пережил за свои двадцать с небольшим лет —

гибель семьи, скитания по мёртвой степи, одиночество, — и слова для него были ценностью, которую не разбрасывают попусту. Но с Дедушкой и Кириллом он говорил охотнее, чем с другими.

Работа закипела. Кирилл нарезал медную проволоку, Тимур готовил сердечники — железные стержни, выкованные в кузнице Прохора. Дедушка продолжал колдовать над чертежом, время от времени стирая линии и нанося новые. В мастерской пахло машинным маслом, канифолью и горячим металлом. Этот запах был для Дедушки лучшим ароматом в мире — он напоминал ему о заводе, о цехе, о тех днях, когда он был молодым инженером и мог свернуть горы.

— Платон Сергеич, — подал голос Кирилл, не отрываясь от работы, — а вот эта новая штука, которую вы проектируете... Она правда сможет передавать голос на расстояние без проводов?

— Теоретически — да, — ответил Дедушка. — Но до практики ещё далеко. Рация, которую мы собрали, работает на старой лампе. А эта, новая, должна быть полностью нашей сборки. Никаких трофейных деталей. Только то, что мы можем сделать сами.

— И на какое расстояние?

— Если расчёты верны — на несколько километров. Может, на десяток. Но это только начало. Когда-нибудь мы сможем говорить с Алтаем без посредников.

— Это было бы здорово, — мечтательно произнёс Тимур. — Я бы хотел поговорить с Чегемом. Он мудрый.

— Ещё поговоришь, — пообещал Дедушка.

В мастерской снова воцарилась тишина, нарушаемая только стуком инструментов и шорохом чертежей. Но тишина эта была уютной, рабочей — такой, в которой хорошо думается и хорошо работается.

В противоположном конце города, у западной стены, где скалы подступали почти вплотную к жилым домам, располагался лазарет. Это было просторное здание, сложенное из толстых сосновых брёвен, с большими окнами, выходящими на море. Вера говорила, что больным нужен свет, — и добилась, чтобы окна были в каждой палате. Она вообще многого добилась за время существования Ковчега. Её слушались не из страха, а из уважения — и это было дороже любого формального авторитета.

Этим утром в лазарете было тихо. Двое пациентов — оба из новоприбывших, оба с лёгкими простудами — спали в дальней палате. Вера сидела за столом в приёмной и перебирала травы. Ромашка, зверобой, тысячелистник, душица — всё это было собрано ещё летом и теперь, высушенное и разложенное по холщовым мешочкам, ждало своего часа. Вера знала каждую травинку не только по названию, но и по запаху, по цвету, по тому, как она крошится в пальцах. Её бабушка, знахарка из-под Костромы, учила её этому с детства. «Травы — это не

лекарство, — говорила бабушка. — Это помощь. Лекарство — внутри человека. Травы только помогают ему проснуться». Вера запомнила это на всю жизнь.

Дверь приоткрылась, и в лазарет заглянула Марина. Та самая Марина, что когда-то, в «Кедровом лого», была одной из первых женщин, примкнувших к отряду Константина. С тех пор она мало изменилась — только седины в светлых волосах прибавилось да морщинки вокруг глаз стали заметнее. Но взгляд остался тем же — острый, живой, всё подмечающий.

— Вера, ты не спишь? — спросила она, хотя видела, что не спит.

— Заходи, Марин. Что случилось?

— Да ничего особенного. Просто хотела узнать, не нужно ли помочь. Я сегодня свободна до полудня.

Вера улыбнулась. Марина всегда была готова помочь, даже когда её не просили. Это было в её характере — деятельном, беспокойном, не терпящем праздности. В «Кедровом лого» она отвечала за припасы и готовку. Здесь, в Ковчеге, взяла на себя заботу о складах и распределении продуктов. Работа была неблагодарная — всегда кто-то недоволен, всегда кому-то кажется, что его обделили, — но Марина справлялась. У неё был дар: она умела сказать «нет» так, что человек не обижался.

— Помощь нужна, — ответила Вера, откладывая пучок зверобоя. — Если у тебя есть время, сходи на склад, проверь, сколько у нас бинтов. Мне кажется, мы почти все израсходовали в прошлом месяце. Нужно нарезать новых из старого льна.

— Сделаю. А ты как сама? — Марина присела на табурет напротив. — Ты бледная сегодня. Опять всю ночь не спала?

Вера вздохнула. От Марины ничего нельзя было скрыть.

— Ночью приходила женщина из новеньких. У неё мальчик, три года, всю ночь метался в жару. Я дала отвар липового цвета с мёдом, к утру полегчало. Но пока сидела с ними — не сомкнула глаз.

— Ты бы побереглась. Тебе сейчас нельзя переутомляться.

Вера опустила взгляд на свой живот — уже заметно округлившийся, хотя она всё ещё старалась носить одежду посвободнее. Пять месяцев. Ещё четыре — и на свет появится новый человек. Первый ребёнок, зачатый и выношенный в Новом Ковчеге. Не найденный в руинах, не спасённый от мародёров, а рождённый здесь, в мире, который его родители построили своими руками.

— Я знаю, — тихо сказала она. — Андрей тоже всё время твердит: «Поберегись, отдохни, я сам». Но как я могу отдыхать, когда люди болеют?

— Андрей прав, — твёрдо сказала Марина. — Ты не просто лекарь. Ты — надежда для всех нас. Если с тобой что-то случится, это будет удар для всего города.

Вера хотела возразить, но в этот момент дверь снова открылась, и на пороге возник Андрей собственной персоной. Он был в рабочей одежде — старой военной куртке, перешитой на гражданский лад, и в сапогах, покрытых пылью. Видно было, что он только что со стены — проверял укрепления. Его лицо, всё ещё сохранявшее суровое, почти угрюмое выражение, при виде Веры смягчилось.

— Я пришёл проверить, как ты, — сказал он, проходя в приёмную. — И принести тебе завтрак.

Он извлёк из-за пазухи свёрток — ломоть свежего хлеба, испечённого в общей пекарне, и кусок вяленой рыбы. Вера приняла свёрток, и её пальцы на мгновение задержались на его ладони.

— Спасибо, — сказала она. — Ты сам-то ел?

— Успею. — Он сел на табурет, который освободила Марина (та тактично выскользнула за дверь, пробормотав что-то про склад и бинты). — Как ночь прошла?

— Спокойно. Почти. — Вера отломил кусочек хлеба. — Андрей, я хочу попросить тебя кое о чём.

— Всё, что угодно.

— Когда начнётся война — не геройствуй. Пожалуйста.

Андрей нахмурился. Он не любил разговоров о войне, хотя знал, что она неизбежна. После возвращения разведки с юга все знали: Хан готовит армию. Вопрос был не в том, будет ли война, а в том, когда она начнётся.

— Я не геройствую, — глухо сказал он. — Я просто делаю то, что должен.

— Я знаю. Именно этого я и боюсь.

Она взяла его за руку и положила её на свой живот. Андрей замер. Под его широкой, мозолистой ладонью, привыкшей к топору и оружию, билась крошечная жизнь — их общая жизнь, их дочь или сын, их продолжение.

— Я не хочу, чтобы наш ребёнок рос без отца, — сказала Вера. — Я сама росла без отца. Я знаю, каково это. Обещай мне, что ты будешь осторожен.

Андрей долго молчал, глядя на её живот. Потом поднял глаза и произнёс — медленно, раздельно, как присягу:

— Обещаю.

Вера кивнула и прижалась щекой к его плечу. Они сидели так несколько минут, не говоря ни слова, и в этой тишине было больше любви, чем в любых словах.

На тренировочном плацу, разбитом на ровной площадке за южной стеной, было шумно. Конница Радима проводила утренние учения.

Плац был большим — почти сто метров в длину и пятьдесят в ширину, — утоптаным до каменной твёрдости конскими копытами и солдатскими сапогами. Вдоль края стояли столбы с подвешенными мешками, набитыми песком и соломой, — мишени для рубки саблей на скаку. Чуть дальше, у скалы, был устроен полигон для лучников: ряды деревянных щитов с намалёванными кругами. Сейчас на плацу находилось около тридцати всадников — ядро кавалерийского отряда, — и ещё столько же ждали своей очереди у коновязи.

Радим сидел на своём гнедом жеребце — том самом, что прошёл с ним через битву в степи, — и наблюдал за упражнениями. Он был одет в лёгкий кожаный доспех, усиленный костяными пластинами, и в шлем с бармицей, которую он сейчас откинул на плечи, чтобы лучше видеть. Его сабля, выкованная им самим, висела на поясе. Лицо его, спокойное и сосредоточенное, не выражало никаких эмоций, но те, кто знал его, понимали: он не просто наблюдает — он оценивает каждый манёвр, каждое движение клинка, каждую ошибку.

— Вторая шеренга! — крикнул он, и его голос перекрыл топот копыт. — Заход слева! Не растягиваться, держать строй! Отставших бью плетью лично!

Всадники, молодые парни и девушки (женщин Радим брал в отряд охотно, считая, что ловкость и реакция важнее грубой силы), выполняли манёвр. Кони, обученные и послушные, ложились в поворот, едва касаясь боками друг друга. Это был сложный элемент — требовалось не только управлять лошадью, но и держать равнение, — и Радим гонял его до тех пор, пока строй не становился идеальным.

У края плаца, на плоском камне, сидела Зарина. Она не участвовала в учениях, но всегда присутствовала — смотрела, запоминала, иногда делала замечания. Сегодня она была без доспеха, в лёгкой льняной рубашке и кожаных штанах. Её золотые глаза, прищуренные от яркого солнца, следили за всадниками с выражением спокойного удовлетворения.

— Они хороши, — сказала она, когда Радим подъехал к ней. — Лучше, чем были в прошлом месяце.

— Ещё недостаточно хороши, — ответил он, спешиваясь. — В настоящем бою они должны действовать на инстинктах. Думать некогда — думать надо до боя.

— Ты слишком строг.

— Строгость спасает жизни. — Он сел рядом с ней на камень и принялся протирать саблю куском промасленной ткани. — Война будет тяжёлой, Зарина. Хан выставит не меньше пятисот бойцов. Его «бессмертные» — это не гиены Тени, которых мы рубили в степи. Это обученные, дисциплинированные солдаты. Они не побегут, когда мы ударим во фланг. Они будут стоять.

— Ты боишься? — спросила она, глядя ему в лицо.

— Боюсь. — Он не стыдился этого слова. — Я боюсь потерять людей. Боюсь потерять тебя. Боюсь, что всё, что мы построили, рухнет. Но страх — это не повод отступать.

Она положила свою ладонь поверх его руки.

— Мы не отступим. Мы никогда не отступали.

Радим посмотрел на неё, и его суровое лицо на мгновение смягчилось. В такие моменты он позволял себе быть просто мужчиной, который любит женщину, — не вождём, не стратегом, не командиром. Такие моменты были редкими, и он дорожил ими.

— Знаешь, о чём я мечтаю? — тихо сказал он. — Когда всё закончится... Когда Тень будет уничтожен, а Хан отступит или договорится... Я хочу вернуться на Соляные Острова. Хотя бы на время. Хочу увидеть белые скалы и соляные поля. Хочу, чтобы ты показала мне то место, где мы впервые встретились.

— Ты помнишь его? — удивилась она.

— Я помню всё, что связано с тобой.

Зарина улыбнулась — той редкой, тёплой улыбкой, которую видели только он и, может быть, Алиса.

— Тогда договорились. После победы — на Острова. Вместе.

— Вместе, — повторил он.

Всадники тем временем закончили манёвр и выстроились в ряд, ожидая дальнейших приказов. Радим поднялся, поправил саблю и снова стал командиром — собранным, жёстким, требовательным. Но Зарина видела, как в уголках его глаз ещё прядется тепло.

В кузнице, стоявшей у восточной стены, было жарко, несмотря на утреннюю прохладу. Прохор, старый кузнец, работал с рассвета. Он был одним из тех немногих, кто помнил старый мир во всех его деталях — не только электричество и автомобили, но и запах свежей выпечки из булочной на углу, и голос Левитана из радиоприёмника, и вкус мороженого в вафельном стаканчике. В «Кедровый лог» он пришёл ещё в первый год, принеся с собой молот и клещи — всё, что успел спасти из своей мастерской. Теперь, в Новом Ковчеге, его кузница была одним из важнейших мест. Здесь ковали оружие, инструменты, детали для генераторов.

Этим утром Прохор работал над заказом особой важности: Радим попросил его выковать три десятка наконечников для стрел особой формы — широких, с загнутыми краями, способных пробивать кожаную броню. Прохор ворчал, что «эти штуки тяжелее обычных и лететь будут хуже», но заказ принял и делал на совесть. Он вообще всё делал на совесть — другого подхода не признавал.

Рядом с ним, раздувая мехи, стоял его внук — мальчишка лет двенадцати по имени Ваня. Он был сыном одной из женщин из «Заречного», погибшей при штурме Оазиса. Прохор взял

его под опеку и учил кузнечному делу — не потому, что хотел передать ремесло, а потому, что мальчику нужно было дело. Без дела, знал Прохор, человек сходит с ума.

— Тяни ровнее! — рыкнул он, не оборачиваясь. — Не рывками! Меха должны ходить плавно, как дыхание. Понял?

— Понял, дедушка, — отозвался Ваня, старательно выравнивая ритм.

Прохор вынул из горна раскалённую добела заготовку и положил её на наковальню. Молот взлетел и опустился — первый удар, самый сильный, расплющил металл, придавая ему грубую форму. Затем удары стали чаще и мягче — Прохор, несмотря на возраст, работал с виртуозной точностью, и каждое движение молота было выверено до миллиметра.

— Дедушка, а правда, что война будет? — спросил Ваня, продолжая качать меха.

— Правда, — коротко ответил Прохор, не прерывая работы.

— А мы победим?

Прохор опустил молот и посмотрел на внука. Мальчик смотрел на него серьёзно, без страха, но с любопытством. Дети нового мира — они не боялись войны так, как боялись её дети старого. Для них война была частью жизни, такой же обыденной, как охота или строительство. Прохор иногда не мог решить, хорошо это или плохо.

— Победим, — сказал он. — Потому что мы с тобой хорошо работаем. А тот, кто хорошо работает, всегда побеждает. Запомни это.

Ваня кивнул и снова взялся за меха. Прохор вернулся к наковальне. Молот застучал снова — размеренно, уверенно, как сердце.

Полдень застал Алису на их с Константином любимом месте — на вершине скалы, возвышавшейся над заливом. Она сидела, свесив ноги с края обрыва, и смотрела на море. Ветер трепал её рыжие волосы, собранные в небрежный узел на затылке, и солнце золотило веснушки на носу и скулах. Она была спокойна — так спокойна, как может быть спокойна только женщина, знающая, что её муж где-то рядом, её дом защищён, а её мир, пусть и хрупок, но стоит.

Константин поднялся к ней — она слышала его шаги за спиной, но не обернулась. Он сел рядом, и его плечо коснулось её плеча. Это прикосновение, простое и привычное, было для неё дороже любых слов.

— Как прошёл совет? — спросила она.

— Обсуждали подготовку к зиме, — ответил он. — Угля хватит, если экономить. Рыбаки говорят, что рыбы этой осенью меньше, чем обычно. Возможно, придётся увеличить долю охоты. И ещё... — Он помедлил. — Прибыли гонцы с юга. От Хана.

Алиса повернулась к нему. Её глаза, только что бывшие спокойными, стали острыми и цепкими.

— Что он хочет?

— Пока не знаю. Гонцы просят аудиенции. Я назначил её на завтра.

— Ты будешь говорить с ними?

— Да. И я хочу, чтобы ты была рядом.

Она кивнула. В таких делах они всегда были вместе — не только как муж и жена, но как два воина, два стратега, два человека, которые понимали друг друга без слов.

— Я чувствую Врата, — тихо сказала она, снова отводя взгляд к морю. — Они спят. Но иногда... иногда мне кажется, что они ворочаются. Как будто что-то хочет проснуться.

Константин взял её за руку. Её пальцы были холодными, несмотря на солнце.

— Это Тень?

— Не знаю. Может быть. А может, что-то другое. Я чувствую, что Сущностей несколько. Что каждая спит в своих Вратах и ждёт своего часа. Мы закрыли одни. Но остальные...

— Мы закроем и остальные, — твёрдо сказал он. — Когда-нибудь.

— Когда-нибудь, — повторила она. — Но не сегодня.

— Не сегодня, — согласился он. — Сегодня у нас мир.

Они сидели на скале, держась за руки, и смотрели, как солнце медленно клонится к западу, окрашивая море в золотые и багряные тона. Город внизу жил своей жизнью: стучали топоры на стройке, кричали чайки над гаванью, где-то далеко слышались удары молота в кузнице Прохора. И где-то там, в мастерской у реки, Дедушка наконец закончил чертёж и, довольно крикнув, приступил к сборке нового устройства.

Вечером, когда солнце уже село, а в домах зажглись электрические лампы, Константин и Алиса спустились со скалы и пошли через город. Они шли по главной улице — той, что вела от площади к морю, — и люди, встречавшиеся им по пути, кланялись и улыбались. Не из страха, не из лести — из уважения. Эти двое построили мир, в котором можно было жить. И люди это помнили.

У своего дома их ждала Юлия. Она сидела на ступеньках веранды, обхватив колени руками, и смотрела на звёзды. При виде Константина и Алисы она встала и смущённо улыбнулась.

— Я не мешаю? — спросила она.

— Ты никогда не мешаешь, — ответила Алиса и обняла её.

Юля прижалась к ней, и на мгновение они замерли — две женщины, которые значили друг для друга больше, чем можно выразить словами. Потом Юля отстранилась и посмотрела на Константина.

— Пап, — сказала она (она всегда называла его так, с того самого дня, когда он нашёл её в разрушенном городе), — можно я у вас переночую? Мне одной грустно.

Константин кивнул, и Юля, просияв, юркнула в дом. Алиса посмотрела на мужа и улыбнулась.

— Она выросла, — сказала Алиса. — Но всё ещё иногда хочет быть маленькой.

— Мы все иногда хотим быть маленькими, — ответил он. — Просто не все себе это позволяют.

Они вошли в дом. В гостиной горела лампа, и Юля уже сидела в кресле, поджав ноги. На столе лежал кусок свежего хлеба и горсть сушёных яблок — их последнее лакомство. Вера прислала с утра.

— Расскажи мне о старом мире, — попросила Юля, когда они расселись. — О том, каким он был до катастрофы.

Константин и Алиса переглянулись. Они редко говорили о прошлом — оно было слишком болезненным, слишком далёким. Но для Юли, которая родилась незадолго до конца или была слишком мала, чтобы помнить, старый мир был легендой. И иногда легенды нужно рассказывать.

— Хорошо, — сказал Константин. — Слушай.

И он начал рассказывать. О городах, полных света и машин. О самолётах, которые летали быстрее звука. О людях, которые могли говорить друг с другом через половину планеты. О кофе в маленьких чашках, о кинотеатрах с огромными экранами, о парках, где дети играли в футбол, и о книжных магазинах, где пахло бумагой и временем.

Юля слушала, затаив дыхание. Алиса, сидевшая рядом, иногда добавляла детали — о Красном проспекте в Новосибирске, о парикмахерской с высокими зеркалами, о том, как она впервые попробовала эклер. Они говорили долго, и за окном успели погаснуть последние огни в соседних домах, а луна поднялась высоко над морем. И когда рассказ закончился, Юля долго молчала, а потом спросила:

— А мы когда-нибудь вернём всё это? Ну, не всё, но хотя бы... кинотеатр?

Константин усмехнулся.

— Сначала — генератор. Потом — рация. Потом — больница. А потом, если хватит сил и времени, — кинотеатр. Обещаю.

Юля улыбнулась и свернулась калачиком в кресле. Через несколько минут она уже спала, и Алиса укрыла её старым шерстяным пледом — тем самым, который когда-то связала мать Константина.

Ночь опустилась на Новый Ковчег. Город спал. Море дышало. Звёзды смотрели сверху, равнодушные и вечные. И где-то далеко на юге, в портовом городе, который когда-то назывался Энзели, человек по имени Хан отдавал последние приказы перед отправкой посольства. Он ещё не знал, что завтрашний день изменит всё. Но предчувствие уже холодило его душу, и он, лёжа без сна в своей одинокой постели, смотрел в потолок и думал о том, что мир гораздо сложнее, чем ему казалось раньше.

Глава 2. Гости с севера

«Союзники не падают с неба. Они приходят пешком, через пепел и страх, и стучатся в ворота, когда ты меньше всего ждёшь. И тогда ты понимаешь: мир гораздо больше, чем тебе казалось».

Сигнал с дозорной вышки раздался вскоре после полудня. Три удара в рельс — условный знак «вижу людей, но опасности нет». Константин, находившийся в тот момент в доме совета, отложил карту и вышел на площадь. Алиса, сидевшая на ступенях их дома с Юлей, подняла голову и прислушалась. По городу пробежала лёгкая волна напряжения — не тревоги, но ожидания.

На перевале, у Северных ворот, уже собралась небольшая толпа. Андрей, как всегда, был первым — его мощная фигура виднелась на вышке. Рядом с ним стоял Тимур, прибежавший от мастерской, едва услышал сигнал. Несколько бойцов гарнизона, свободных от смены, выстроились у ворот.

Константин и Алиса подошли одновременно. Он взял её за руку на мгновение — привычный жест, который для них заменял долгие разговоры, — и они поднялись на вышку.

— Что там? — спросил Константин.

Андрей протянул ему бинокль. Старый, армейский, с потёртой резиной на окулярах. Константин поднёс его к глазам и всмотрелся вдаль.

По северной тропе, которая вилась между скал и уходила к перевалу, двигался отряд. Двадцать человек — он насчитал именно столько, — шли пешком, цепочкой, с интервалом в несколько шагов. Они были одеты в плотные, явно тёплые одежды — меховые куртки, высокие сапоги, шапки-ушанки. За спинами висели рюкзаки, у некоторых — лыжи, скреплённые вместе и перекинутые через плечо. Несколько свор собак, похожих чем то на волков шли с отдельными людьми чуть впереди. Оружие было при них, но держали они его не в боевой готовности, а за спиной или на плече. Это был не военный отряд, а экспедиция.

Впереди шла женщина. Высокая, даже издали было видно, что она возвышается над своими спутниками на полголовы. Она двигалась широким, размашистым шагом — так ходят люди, привыкшие к долгим переходам по пересечённой местности. Её светлые, почти белые волосы были заплетены в тугую косу, перекинутую через плечо. Одежда — добротная меховая куртка, но без излишеств, — говорила о практичности. За ней, держа строй, шли остальные:

мужчины и женщины, молодые и постарше, все с тем особым выражением лиц, которое бывает у людей, прошедших долгий и трудный путь, но не сломленных им.

— Архангельцы, северяне?, — тихо спросила Алиса. — Это они?

— Похоже, — согласился Константин. — Андрей, открывай ворота. Встретим гостей.

Ворота — массивные, окованные железными полосами, сработанные ещё в первый месяц строительства, — со скрипом отворились. Отряд архангельцев остановился в нескольких шагах от входа. Женщина-предводительница подняла руку, и её люди замерли. Она сделала ещё несколько шагов вперёд и остановилась, ожидая.

Константин спустился с вышки и вышел за ворота. Алиса, как всегда, встала рядом, чуть позади и слева — так, чтобы видеть всех и всё. Андрей и Тимур держались за их спинами.

Теперь, вблизи, женщина была видна отчётливо. Ей было около сорока — возраст зрелой силы, когда молодость уже позади, но старость ещё далеко. Её лицо, обветренное и загорелое, пересекал тонкий шрам на левой скуле — старый, побелевший от времени. Глаза, светло-голубые, почти прозрачные, смотрели спокойно и прямо, без вызова, но и без подобострастия. Она была из тех людей, которые не нуждаются в том, чтобы их боялись, — им достаточно, чтобы их уважали.

— Добрый день, — произнесла она. Голос у неё был низкий, грудной, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который много говорил на ветру. — Мы пришли с севера. Из Архангельской общины. Меня зовут Зоя Северова. Мои люди и я просим убежища на несколько дней и возможности говорить с вашим вождём.

— Я Константин, — ответил он. — Меня называют Седым. Это наш город — Новый Ковчег. Вы находитесь под его защитой. Входите.

Зоя кивнула и обернулась к своим людям. Те, повинаясь её жесту, двинулись к воротам. Константин заметил, как они проходят через арку: взгляды цепкие, но не враждебные, движения экономные, оружие держат так, как держат инструмент, а не угрозу. Видно было, что это не просто выжившие — это община, сохранившая порядок и дисциплину.

Алиса, наблюдавшая за ними, чуть наклонилась к Константину:

— Она бывший военный. Посмотри, как идёт. И её люди — тоже. Не все, но большинство.

— Похоже на то, — тихо ответил он. — Поговорим с ней. Но сначала пусть отдохнут.

Гостей разместили в общем доме — том самом, что служил и гостиницей, и местом собраний. Вера, появившаяся почти мгновенно (казалось, у неё было шестое чувство на прибытие новых людей), распорядилась принести горячей воды, хлеба и рыбы. Архангельцы, побросав рюкзаки у стен, расселись на лавках. Видно было, что они измучены — путь через полстраны не мог быть лёгким, — но держались достойно, не жалуясь и не требуя лишнего.

Зоя, однако, от еды отказалась — только приняла кружку горячего травяного отвара, который Вера подала ей лично. Она сидела за длинным столом в центре зала, выпрямив спину, и ждала.

Константин вошёл вместе с Алисой, Андреем и Радимом. Последний, узнав о прибытии гостей с севера, оставил учения и явился сам — его стратегический ум требовал информации. Зарина вошла следом и встала у стены, скрестив руки на груди.

— Рассказывайте, — просто сказал Константин, садясь напротив Зои. — Кто вы, как дошли и зачем пришли.

Зоя отпила отвар — медленно, словно смакуя тепло, — и заговорила.

— Архангельская община — это около трёхсот человек. Мы живём в старом военном порту, в уцелевших зданиях. Ловим рыбу в озерах, охотимся, строим лодки. У нас есть оружие — немного, но достаточно для обороны. Мы держим связь по радиации, и мы слышали вас. — Она посмотрела на Константина. — Вы говорили с Алтаем. Мы слышали этот разговор. И до нас доходили слухи — от бродяг, от редких торговцев — о городе на Каспии, где есть электричество и где люди живут по законам.

— Слухи не врут, — заметил Андрей.

— Я вижу, — Зоя обвела взглядом помещение, электрическую лампу под потолком, добротные стены. — Поэтому мы здесь.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями, и продолжила:

— Наша община выжила благодаря удалённости. Архангельск — край света, туда не добрались ни орды «потерянных», ни мародёры. Но у нас есть проблемы. Первая — медицина. У нас нет ни лекарств, ни знающих людей. Каждая простуда может стать смертельной. Вторая — электричество. Мы живём при лучинах и масляных плашках. Третья — оружие. У нас есть старые запасы, но они иссякают. Мы не можем производить новое.

— А ещё есть Тень, — добавил Радим, внимательно следивший за разговором.

— Тень? — Зоя нахмурилась. — Мы слышали это имя. В эфире, от алтайцев. Но не знаем, кто это.

— Долгая история, — сказала Алиса. — Если коротко: он — наш враг. Он служит древней силе, которая спит под водой. Он уже пытался уничтожить нас и будет пытаться снова.

— Значит, у нас общий враг, — медленно произнесла Зоя.

— Откуда вы знаете? — спросил Константин.

— Потому что он или его люди доходили и до нас. Полгода назад к нашему поселению вышли несколько человек в чёрных плащах. Они говорили о «новом порядке» и о том, что мы должны присягнуть их хозяину. Мы отказались. Они ушли, но один из них сказал: «Вы ещё

пожалееете». С тех пор у нас стали пропадать люди. Трое. Ушли на охоту и не вернулись. Мы думаем, это их рук дело.

В зале воцарилось молчание. Алиса переглянулась с Константином — они оба понимали, что это значит. Тень не просто бежал на восток. Он оставил щупальца на севере, юге, западе. Он плёл сеть.

— Мы можем помочь друг другу, — нарушил тишину Константин. — Что вам нужно?

— Во-первых, знания, — ответила Зоя. — У вас есть лекари. Пусть они научат наших. У вас есть инженеры. Пусть они помогут нам построить свой генератор. Мы заплатим — рыбой, пушниной, солью.

— У нас есть соль, — заметил Радим.

— У вас — морская. А у нас — северная, озёрная. Она другая. И ещё — пушнина. Соболь, куница, песец. В ваших краях такого нет.

— Это ценно, — кивнула Алиса. — Особенно зимой.

— Во-вторых, — продолжила Зоя, — оружие. Мы не просим много. Несколько винтовок, патроны. Или хотя бы чертежи, по которым мы сможем сделать сами.

— Чертежи дадим, — сказал Константин. — И оружие — тоже, в разумных пределах. Но у нас сейчас каждый ствол на счету.

— Я понимаю. Поэтому предлагаю третье: союз. Не торговый — военный. Если Тень или кто-то ещё нападёт на Архангельск, мы позовём вас на помощь. Если нападут на Ковчег — мы придём к вам.

— Это очень далеко, — заметил Андрей. — Пока вы дойдёте, война кончится.

— Поэтому нам нужна связь, — Зоя посмотрела на Константина. — У вас есть рация. У нас есть рация. Мы можем держать постоянный канал. И ещё: я хочу, чтобы несколько моих людей остались здесь. Учиться. А несколько ваших — отправились с нами. Чтобы учить наших. Это будет первый шаг.

Константин задумался. Предложение было разумным. Более того — оно было именно тем, о чём он сам думал последние месяцы. Ковчег не мог существовать в изоляции. Союз с Алтаем, с Соляными Островами, с Архангельском — это была основа для чего-то большего. Для сети, которая могла бы противостоять и Тени, и Хану, и любым другим угрозам.

— Я согласен, — сказал он наконец. — Детали обсудим завтра, на совете. А пока — отдыхайте. Вы прошли долгий путь.

Зоя кивнула. В её глазах, впервые за весь разговор, мелькнуло что-то похожее на облегчение.

Вечером, когда солнце уже село и город окутала тьма, разбавленная лишь светом ламп в окнах, Алиса нашла Зою на берегу. Архангельская предводительница стояла у самой кромки воды, сняв сапоги, и смотрела на море. Её светлые волосы серебрились в лунном свете, и вся её фигура казалась вырезанной из дерева и камня — такая же прочная, такая же спокойная.

— Не спится? — спросила Алиса, подходя.

— Отвыкла спать в тепле, — ответила Зоя. — У нас на севере тепло — редкость. А здесь... — Она вдохнула влажный морской воздух. — Здесь даже зимой пахнет солью, а не льдом.

— Ты была капитаном, — сказала Алиса. Это был не вопрос.

— Была. Ледокол «Арктика». Ходила по Северному морскому пути. В день катастрофы мы были в Баренцевом море. Связь пропала, потом небо стало серым. Мы вернулись в порт, а там — никого. Только пепел и тишина.

— Как ты выжила?

— Мы прожили на ледоколе около двух лет, потом запасы иссякли, люди болели и умирали, началась эпидемия, погибло большинство тех старых моряков которые могли обслуживать реактор и его пришлось заглушить, я собрала команду. Мы ушли вглубь материка, к озёрам. Там построили первое поселение. Потом, когда стало ясно, что помощи не будет, переехали в Архангельск. Там был порт, запасы топлива, старые склады. Постепенно к нам прибавились другие. Так и живём.

Алиса слушала молча. Она понимала эту историю — слишком хорошо понимала. Сама она прошла через то же самое: потеря всего, одиночество, борьба за каждый день. Только у неё был Константин. У Зои — никого, кроме её общины.

— Ты одна? — спросила Алиса.

— У меня есть люди. Они — моя семья. — Зоя помедлила. — А мужчины... Был один. Он погиб два года назад. С тех пор — никого.

— Почему?

— Потому что я не могу позволить себе слабость. Я — лидер. Если я покажу, что мне страшно или больно, люди начнут бояться. А страх убивает быстрее пули.

Алиса кивнула. Она знала это чувство. Когда-то, до встречи с Константином, она тоже была одна — Бестия, которая не позволяла себе ни страха, ни нежности. Он растопил этот лёд. Может быть, когда-нибудь и Зоя найдёт того, кто растопит её лёд. А может, и нет.

— Ты сильная, — сказала Алиса. — Но сила — это не всегда одиночество. Иногда сила — это умение доверять.

Зоя повернулась к ней и долго смотрела в глаза. Потом, впервые за весь день, улыбнулась — скупой, одними уголками губ, но искренне.

— Ты говоришь как человек, который знает, о чём говорит.

— Я знаю.

Они постояли ещё немного, глядя на море, и молчание между ними было не напряжённым, а понимающим. Две женщины-воина. Два лидера. Две судьбы, которые могли бы сложиться одинаково, но сложились по-разному.

На следующее утро Зоя попросила показать ей город. Константин поручил это Тимуру — тот лучше всех знал окрестности. Алиса вызвалась пойти с ними.

Они провели Зою по главным местам: мастерская Дедушки, где она замерла, глядя на работающий генератор, и долго расспрашивала старика о деталях; кузница Прохора, где она с интересом наблюдала за ковкой; лазарет Веры, где они проговорили почти час — Вера расспрашивала о северных травах, Зоя — о методах лечения.

— У нас на севере почти нет трав, — говорила Зоя, разглядывая пучки зверобоя и ромашки. — Только мох и лишайник. Мы лечимся рыбьим жиром и горячей водой. А здесь — целая аптека.

— Я дам тебе семена, — сказала Вера. — И саженцы, если довезёте. Ромашка, календула, мята. Они неприхотливы, вырастут и на севере, если укрыть на зиму.

— Спасибо. — Зоя сжала её руку. — Ты не представляешь, что это для нас значит.

К полудню они вернулись на площадь. Зоя выглядела уставшей, но довольной. Она увидела то, за чем пришла: город, который не просто выжил, но жил. Который мог учить и помогать.

Вечером, на совете, были оговорены детали союза. Архангельск направит в Ковчег пятерых учеников — они будут учиться у Дедушки и Веры. Ковчег направит в Архангельск троих: одного инженера из учеников Дедушки, одну лекарку из учениц Веры (вызвалась молодая женщина по имени Надя) и одного бойца для обучения местного ополчения. Связь будут держать по радиации ежедневно, в условленный час. Торговый караван между городами будет ходить раз в три месяца.

Когда все формальности были улажены и совет разошёлся, Константин задержался в зале. Зоя тоже не спешила уходить. Они остались вдвоём.

— Ты не спросил меня о самом важном, — сказала она.

— О чём?

— О том, что я видела по пути сюда.

Константин напрягся. Он знал этот тон — так говорят люди, которые несут дурные вести.

— Говори.

— Мы шли через земли, которые когда-то назывались Поволжьем. Там — пустошь. Города мертвы. Но мы видели следы. Свежие стоянки, кострища, сломанные ветки. Кто-то прошёл там до нас. Много людей. Они двигались на юг.

— Хан?

— Друзья, я не знаю кто такой Хан. Но это ещё не всё. — Зоя помедлила. — Мы нашли тело. Одинокого путника, который замёрз в лесу. При нём была записка. Написана второпях, карандашом. Там было всего несколько слов: «Тень идёт на восток. За ним — орда».

— Откуда этот человек знал о Тени?

— Не знаю. Может, слухи. Но если Тень действительно идёт на восток, это значит, что у него есть план. И что он не отказался от своих целей.

Константин долго молчал, обдумывая услышанное. Потом сказал:

— Спасибо. Это важно.

— Я знаю, — ответила Зоя. — Поэтому и пришла.

Она поднялась и направилась к выходу. У двери остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Ты построил хороший город, Седой. Не потеряй его.

— Не потеряю, — ответил он.

Дверь закрылась. Константин остался один в пустом зале. Лампа под потолком мерцала, и тени плясали на стенах. Он думал о Тени, о Хане, о войне, которая неизбежна. Но ещё он думал о том, что теперь у них есть союзники не только на юге и востоке, но и на севере. Что нить связи протянулась через всю страну — от Архангельска до Каспия. И это давало надежду.

Архангельцы провели в Ковчеге пять дней. За это время они успели отдохнуть, подлатать одежду, пополнить припасы. Олег, ученик дедушки, вызвавшийся ехать с ними, собирал инструменты и чертежи. Надя, молодая лекарка, укладывала в дорожную сумку травы и бинты.

На шестой день, на рассвете, отряд Зои выстроился у Северных ворот. Они уходили обратно — туда, где снег лежал даже летом и где море покрывалось льдом на полгода.

Константин, Алиса, Андрей и Вера вышли проводить их. Зоя, уже в полном походном снаряжении, пожала руку каждому.

— До связи, — сказала она. — Завтра, в шесть вечера по нашему времени. Не опаздывай.

— Не опоздаю, — ответил Константин.

Она повернулась к Алисе и, к удивлению всех, обняла её — коротко, по-сестрински.

— Береги его, — шепнула она ей на ухо.

— Берегу, — так же тихо ответила Алиса.

Зоя отступила, скинула рюкзак на плечи и, не оборачиваясь, зашагала по тропе. Её отряд двинулся следом. Через несколько минут они скрылись за поворотом скалы.

— Хорошая женщина, — сказала Вера, глядя им вслед.

— Да, — согласилась Алиса. — Такие не часто встречаются.

— Она ещё вернётся, — добавил Андрей. — Чувствую.

Константин ничего не сказал. Он смотрел на опустевшую тропу и думал о том, что мир стал немного больше. И немного понятнее.

К вечеру в город пришла новость, которая заставила забыть о прощании. С юга вернулся разведывательный отряд, посланный неделей раньше. Их было пятеро. Вернулось четверо. Пятый, молодой парень по имени Степан, остался лежать в степи — его сразила пуля патруля Хана.

Доклад разведчиков был тревожным: армия Хана выдвинулась. Она стоит лагерем в неделе пути от перевала на побережье. Численность — около пятисот бойцов. При них — обоз, осадные лестницы, даже несколько пушек, снятых с разбитых кораблей. И с ними — люди в чёрном. Немного, не больше десятка, но они явно не подчиняются Хану. Они держатся особняком, и их глаза светятся зеленоватым светом.

— Тень, — сказал Константин, выслушав доклад. — Он всё-таки заключил сделку с Ханом. Или обманул его. Или и то, и другое.

— Когда они будут здесь? — спросила Алиса.

— Через неделю полторы не меньше. Может, через две, если успеем задержать их на перевале.

— Успеем, — сказал Радим. — Мы готовы.

Константин обвёл взглядом лица собравшихся: Алиса, Андрей, Радим, Зарина, Дедушка, Вера, Егор, Кирилл, Юля, Тимур — все, кто стал ему семьёй за эти годы. Все, кто был готов сражаться.

Глава 3. Послы с Алтая

«Знание — это единственное богатство, которое не отнять. Его можно только передать. И иногда в этом передаче — единственная надежда на спасение».

Караван с Алтая пришёл на исходе третьего дня после того, как архангелы покинули Ковчег. Дозорный на перевале заметил его ещё на рассвете — длинную цепочку всадников и выючных лошадей, медленно спускавшихся по восточной тропе, той самой, что вела через холмы к старому караванному пути. Над головами путников развевался флаг — синее полотнище с вышитой серебряной рыбой, символ Телецкого озера. Это были алтайцы.

Весть о прибытии Чегема и Алтынай разнеслась по городу мгновенно. Люди выходили на улицы, приветствуя старых друзей. За те месяцы, что прошли после заключения союза, алтайцы стали в Ковчеге почти своими — их уважали за мудрость, за спокойную силу, за лошадей, которых они привели и научили местных за ними ухаживать. Дети бежали за всадниками, выкрикивая приветствия, и даже вечно угрюмый Прохор вышел из кузницы, чтобы поклониться шаману.

Чегем ехал впереди, как всегда прямой и несгибаемый, несмотря на годы. Его лицо, изрезанное морщинами, казалось картой горных троп. На нём была длинная, расшитая цветным орнаментом шуба из овчины — подарок Айдара, — и высокая шапка, отороченная мехом. Рядом с ним, на гнедой кобыле, сидела Алтынай. Она изменилась с их последней встречи — стала спокойнее, увереннее, и в её глазах, всё таких же тёмных и глубоких, появился тот особый блеск, который бывает у людей, нашедших своё призвание. Она была хранительницей знаний — тех самых, что её народ сберёг за тысячи лет.

За ними следовали десять воинов — молчаливые, с обветренными лицами, с короткими изогнутыми луками у сёдел и тонкими саблями на поясах. Они вели в поводу выючных лошадей, нагруженных кожаными сумками и тюками. Среди груза, как позже выяснилось, были не только дары и припасы, но и то, ради чего Чегем проделал столь долгий путь: пластинки из кургана Укока и Камень Порога.

Константин и Алиса встретили гостей на площади. Чегем спешил, и они обменялись рукопожатием — крепким, мужским, без лишних церемоний. Алтынай поклонилась, и Алиса, шагнув вперёд, обняла её — по-сестрински, как обнимала когда-то Зарину.

— Вы приехали вовремя, — сказал Константин. — Завтра военный совет. У нас новости с юга, и они не радостные.

— У нас тоже новости, — ответил Чегем. — И они важнее любых армий.

Совет собрался в общем доме через час после прибытия алтайцев. Зал был полон — все, кто имел право голоса или просто должен был знать, сидели за длинным столом или вдоль стен. Константин, Алиса, Андрей, Вера (несмотря на уговоры поберечься), Радим, Зарина, Дедушка, Егор, Кирилл, Юля, Тимур, Марина. Со стороны Алтая — Чегем и Алтынай. Со стороны Соляных Островов — Радим и Зарина. Были и новоприбывшие: Зоя не успела бы

вернуться, но от архангелыцев остался один из её людей — молодой парень по имени Глеб, который должен был учиться в Ковчеге и передавать знания на север.

— Говори, Чегем, — произнёс Константин.

Шаман поднялся. В наступившей тишине звякнули костяные амулеты на его одежде. Он достал из кожаного мешочка несколько пластинок — тех самых, что когда-то показывал в их первый визит, — и разложил на столе. К ним добавилась новая, ранее не виденная: более крупная, с тонкой резьбой, изображавшей гору, из которой выходят человеческие фигуры.

— Наши старейшины закончили расшифровку большей части текстов из кургана Укока, — начал он. — Это заняло много месяцев. Мы работали помня о ваших радиосообщениях, сверяли символы с теми, что видели вы в Дербенте. И вот что мы узнали.

Он взял одну из пластинок — ту, где были вырезаны круг, треугольник и волна, — и поднял её так, чтобы все видели.

— Три ключа, о которых мы говорили раньше, — это не всё. Да, чтобы запереть Врата, нужен голос, знающий древний язык, нужна добровольная кровь и нужен момент солнцестояния. Но есть ещё кое-что. Врата — их много, и каждые связаны с одной из Сущностей. Эти Сущности — не боги и не демоны. Они — силы, которые существовали на Земле задолго до людей. Они спали, но катастрофа разбудила их. Тень, заключивший сделку с той, что под Каспием, разбудил её окончательно. Мы закрыли Врата Дербента, но Сущность не исчезла. Она лишь потеряла связь с нашим миром — временно.

— Временно? — переспросила Алиса. — Значит, она может вернуться?

— Если найдутся новые Врата и новый проводник — да, — ответил Чегем. — Но есть способ запереть Врата навсегда. И этот способ известен народу, который ушёл под землю.

Он положил на стол новую пластинку — ту, с изображением горы и людей. Алтынай, сидевшая рядом, продолжила:

— Они называли себя Искандер — «защитники порога». Согласно текстам, они жили в горах к югу от этого моря, в пещерах, которые уходят вглубь на сотни метров. Они были хранителями знаний о Вратах задолго до того, как на Алтае появились первые шаманы. Они знали, как создавать Камни Порога — артефакты, способные запирают Врата без жертвенной крови. И они знали, как усыпить Сущность навсегда.

— Почему же они не сделали этого? — спросил Радим.

— Потому что Сущностей много, а Искандер было мало. И потому что для каждого Камня нужна частица силы — той самой, что течёт в жилах проводников. Они не могли запереть все Врата. Но они знали, где находятся главные. И одно из главных Врат — здесь, — Алтынай обвела рукой карту, лежавшую на столе, — под горой, которую древние называли Демавенд.

В зале воцарилось молчание. Дедушка снял очки и потёр переносицу. Вера прижала ладонь к животу, словно пыталась защитить будущего ребёнка от дурных вестей. Андрей мрачно смотрел на карту. Радим и Зарина переглянулись.

— Демавенд — это в землях Хана, — наконец произнёс Константин. — Где-то к югу от Каспия, в предгорьях Эльбурса.

— Да, — подтвердила Алтынай. — И если карты не врут, там до сих пор есть пещеры. Мы проверили по старым текстам. Демавенд — потухший вулкан. Его склоны изрыты лавовыми трубками и карстовыми пустотами. Идеальное место для подземного города.

— Если этот народ ещё жив, — мрачно заметил Андрей. — Прошло больше десяти лет после катастрофы. Мало ли что могло случиться.

— Они живы, — спокойно сказал Чегем. — Я говорил с духами. Они не дают точных ответов, но они дают знаки. Сова, которую я видел во сне, летела на юг и вернулась с веткой в клюве. Это знак жизни.

Никто не стал спорить с шаманом. В конце концов, именно его знания помогли им в Дербенте. И если Чегем говорил, что Искандер живы, — значит, имело смысл проверить.

Константин поднялся.

— Мы отправим разведку на юг. Прямо сейчас, до того, как Хан начнёт наступление. Нам нужны союзники, и нам нужно знание. Если Искандер существуют, мы должны найти их раньше, чем Тень или Хан.

— Это опасно, — сказала Алиса. — Земли Хана кишат патрулями. Разведчиков могут схватить.

— Поэтому пойдут лучшие, — ответил он и посмотрел на неё.

Она выдержала его взгляд, и в её изумрудных глазах зажёгся знакомый огонёк. Тот самый, что появлялся перед каждой вылазкой, каждым боем, каждым рискованным предприятием. Она не боялась опасности — она боялась бездействия.

— Я пойду, — сказала она.

— И я, — добавила Зарина.

— Я тоже, — Лейла, сидевшая в углу с флейтой Тамира в руках, поднялась. — Моя флейта чувствует воду. А где вода — там и жизнь. Я найду их.

Кирилл, сидевший рядом с Юлей, открыл было рот, но Дедушка опередил его:

— Кирилл пойдёт. Ему нужен опыт полевой работы. И Тимур — он лучший следопыт из всех, кого я знаю.

Кирилл покраснел, но возражать не стал. Тимур, стоявший у двери, молча кивнул. Юля сжала руку Кирилла под столом — быстро, незаметно, но он почувствовал и ответил таким же пожатием.

— Значит, пятеро, — подытожил Константин. — Алиса, Зарина, Лейла, Кирилл, Тимур. Выходите завтра на рассвете. Задача — найти Искандер, установить контакт и по возможности разведать силы Хана. В бой не вступать без крайней необходимости. Если через две недели вы не вернётесь, я приду вам на подмогу.

— Мы вернёмся, — сказала Алиса. — Ты знаешь, я всегда возвращаюсь.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было то, что он никогда не говорил при всех: страх. Не за себя — за неё. За них всех.

Вечером, после совета, Чегем попросил Константина о личной встрече. Они уединились в небольшой комнате при доме совета — той самой, где когда-то принимали первых переселенцев. Шаман сел на низкую скамью, положил посох на колени и долго молчал, прежде чем заговорить.

— Ты знаешь, что я не просто так приехал, — начал он. — Алтынай и я могли бы передать эти сведения по рации. Но я хотел увидеть тебя лично.

— Почему?

— Потому что грядёт нечто большее, чем война с Ханом. Я говорил с духами, Седой. И духи сказали мне, что Тень не просто ищет союзников. Он ищет способ слиться с Сущностью.

Константин нахмурился:

— Слиться? Что это значит?

— Он отдал ей часть себя много лет назад, когда заключил сделку. Тогда он стал Тенью — ни живым, ни мёртвым. Но теперь он хочет большего. Он хочет стать ею. Если ему это удастся, он перестанет быть человеком окончательно. Он станет воплощением Сущности на земле.

— И что тогда?

— Тогда закрыть Врата будет недостаточно. Придётся уничтожить их. Вместе с ним.

Чегем достал из мешочка небольшой, завёрнутый в мягкую замшу предмет и протянул Константину. Тот развернул ткань и замер.

Это был камень. Небольшой, размером с кулак, тёмный, почти чёрный, но внутри него, в самой сердцевине, пульсировал слабый, зеленоватый свет. Свет этот был живым — он то разгорался, то угасал в ритме, который напоминал биение сердца. Поверхность камня была гладкой, но не полированной — скорее, оплавленной, словно он побывал в огне и остыл, сохранив форму.

— Это Камень Порога, — тихо сказал Чегем. — Один из трёх, что хранились на Алтае. Мы нашли его в кургане Укока, в руках самой Принцессы. Она держала его, когда умерла. Две с половиной тысячи лет он ждал того, кто сможет его использовать.

— Как он работает?

— Он резонирует с Вратами. Когда ты приближаешь его к открытым Вратам, он начинает пульсировать чаще и ярче. Когда подносишь вплотную — он запирает их. Без крови, без голоса, без жертв. Просто закрывает, как закрывают дверь.

— Почему ты не отдал его раньше?

— Потому что не знал, достоин ли ты. — Чегем посмотрел ему прямо в глаза. — Этот камень — огромная сила. В неправильных руках он может открыть Врата так же легко, как и закрыть. Тень искал его. Хан, если узнает, будет искать. Я должен был убедиться, что ты тот, кто не поддастся искушению.

— И ты убедился?

— Да. Ты не хочешь власти, Седой. Ты хочешь мира. Это редкое качество.

Константин закрыл камень в ладони. Он чувствовал его тепло — слабое, но ощутимое, словно внутри действительно билось чьё-то сердце.

— Я передам его Алисе, — сказал он. — Она идёт на юг. Если Искандер существуют, камень поможет найти Врата и запереть их.

— Хорошо. — Чегем поднялся, опираясь на посох. — И ещё одно. Береги её. Твою жену. Она связана с Вратами сильнее, чем ты думаешь. Когда она пролила кровь в Дербенте, она не просто закрыла Врата. Она стала их частью. Теперь она чувствует их — все, какие есть. Если Тень откроет Врата снова, она почувствует это первой. И это может сломать её.

Константин помрачнел. Он знал о связи Алисы с Вратами — она сама рассказывала ему о снах, о странных ощущениях, которые иногда накатывали на неё без причины. Но он не думал, что это может быть опасно для неё самой.

— Можно разорвать эту связь?

— Можно, — медленно произнёс Чегем. — Но только одним способом: запереть все Врата. Все до единого. Тогда Сущности уснут навсегда, и связь исчезнет. До тех пор — она будет их стражем. И их пленницей.

Он поклонился и вышел, оставив Константина одного. Тот сидел в полумраке, сжимая в руке Камень Порога, и думал. Думал о том, что каждая победа даётся ценой. Что каждая закрытая дверь оставляет рубцы на тех, кто её закрывал. И что его жена, его Бестия, каждый день носит в себе груз, о котором он даже не подозревал.

Утро следующего дня выдалось ясным и холодным. Осень уже вступила в свои права, и с гор тянуло первым снегом. На площади перед Северными воротами собрался весь город — пришли проводить разведчиков.

Алиса стояла у ворот, проверяя снаряжение. Её рюкзак был уложен по-походному: сухой паёк на две недели, вода, запасная одежда, аптечка, нож, арбалет. Камень Порога, завернутый в промасленную ткань, лежал в отдельном кармане, у самого сердца. Она чувствовала его тепло даже сквозь одежду.

Зарина, стоявшая рядом, поправляла ремни своего доспеха. Её изогнутый клинок висел на поясе, а за спиной был маленький арбалет. Лейла, бледная, но решительная, сжимала в руках флейту Тамира. Кирилл проверял портативную «Сирену», собранную им и Дедушкой специально для этого похода. Тимур седлал лошадей — пять низкорослых, но выносливых алтайских лошадок, способных пройти сотни вёрст по бездорожью.

Константин подошёл к Алисе. Они отошли на несколько шагов от остальных, и он взял её за руки.

— Будь осторожна, — сказал он.

— Я всегда осторожна, — ответила она с лёгкой улыбкой.

— Нет. Ты всегда рискуешь. Но на этот раз — пожалуйста, не геройствуй.

— Я вернусь, Костя. Ты знаешь, я всегда возвращаюсь.

Он посмотрел ей в глаза и увидел там то, что видел всегда: огонь. Но теперь к нему примешивалось что-то ещё — может быть, мудрость, может быть, усталость. Она изменилась за эти годы. Они оба изменились.

— Камень у тебя? — спросил он.

— У меня. — Она коснулась нагрудного кармана. — Я буду хранить его.

— Не потеряй.

— Не потеряю.

Он обнял её — крепко, по-настоящему, не стесняясь чужих взглядов. Она прижалась к нему на мгновение, вдохнула его запах — родной, знакомый, пахнувший смолой и морем, — и отстранилась.

— Пора.

Отряд выехал из ворот под тихий говор провожающих. Юля, стоявшая у стены вместе с Верой, смотрела вслед Кириллу, и в её глазах блестели слёзы. Вера обнимала её за плечи. Андрей, стоявший на вышке, молча следил за удаляющимися всадниками. Дедушка, вышед-

ший из мастерской, смотрел им вслед и шептал что-то — то ли молитву, то ли формулы расчёта расстояний.

Когда последний всадник скрылся за поворотом тропы, Константин повернулся и пошёл обратно в город. Впереди был долгий день. Впереди была война.

Глава 4. Разведка на юг

«Разведка — это не просто глаза армии. Это её разум, её инстинкт, её способность видеть в темноте. И от того, что увидят эти глаза, зависит, куда ударит меч».

Путь на юг начался с тишины.

Они выехали из Ковчеха на рассвете, когда туман ещё клубился в низинах и первые лучи солнца едва пробивались сквозь пелену облаков. Пять всадников — Алиса, Зарина, Лейла, Кирилл и Тимур — двигались цепочкой, держа интервал в несколько метров. Впереди, как всегда, шла Алиса. Она сидела в седле с той особой, расслабленной грацией, которая даётся только годами тренировок, и её рыжие волосы, заплетённые в тугую косу, поблёскивали в утреннем свете. Лошадь под ней — гнедая кобыла по имени Искра, подарок Айдара, — шла ровным, размеренным шагом, изредка всхрапывая и кося глазом на обочину.

За ней следовала Зарина. Её лицо, как всегда, было спокойно, но в золотых глазах пряталась настороженность. Она привыкла к степи, к открытым пространствам, где врага видно издалека. Здесь, в предгорьях, где скалы и кустарники создавали бесчисленные укрытия, она чувствовала себя менее уверенно. Но рука, лежавшая на рукояти изогнутого клинка, была тверда.

Лейла ехала третьей. Её пустынные одежды — выцветшие, серо-бурые, многослойные — развевались на ветру. В руках она держала флейту Тамира, с которой никогда не расставалась. Иногда, когда тропа становилась шире, она подносила инструмент к губам и извлекала тихую, почти неслышную ноту — не для музыки, а для того, чтобы «почувствовать воду», как она это называла. Флейта резонировала с подземными источниками, и этот резонанс Лейла ощущала кожей.

Четвёртым был Кирилл. Он сидел в седле немного скованно — всё-таки наездником он был не таким опытным, как остальные, — но держался уверенно. В седельных сумках, закреплённых позади него, лежала портативная «Сирена» — последнее изобретение Дедушки, уменьшенное и доработанное специально для этого похода. Рядом с «Сиреной» лежали инструменты: паяльник, моток медной проволоки, запасные лампы, батареи. Кирилл чувствовал себя немного чужим в этом отряде — он был инженером, а не воином, — но Дедушка сказал «надо», и он пошёл.

Замыкал цепочку Тимур. Он сидел на своей лошади как влитой — годы, проведённые в седле, сделали его прирождённым кавалеристом. Его глаза, прищуренные от солнца, постоянно обшаривали горизонт. Он был молчалив, но его присутствие успокаивало — все знали, что Тимур, если что, не подведёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.